

© 2024 г.

С.А. КРАВЧЕНКО

КОНТУРЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНЦЕПЦИИ СИНЕРГИЙНЫХ СЛОЖНОСТЕЙ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Анализируются эффекты, обеспечивающие формирование упорядоченных структур, то есть рождающие «порядок из хаоса» (И.Р. Пригожин). Рассматриваются процессы, задающие тренды становления новой России, формирующие образ ее будущего. По мнению автора, содержание и характер ныне возникших типов сложностей детерминированы генотипом культуры, который может как соответствовать цивилизационным основаниям страны, так и не соответствовать им, оказываясь заимствованным из других культур, от чего зависит суверенное, устойчивое или, напротив, травматическое, кризисное ее развитие вплоть до вхождения в «общество риска» (Ж.Т. Тошченко). Конкретно рассматриваются такие типы синергийных сложностей, как гло-локал-анклавные пространства, синергийное время, гибриды социальных, природных и технических/цифровых реалий, человеческой телесности, интерферентные риски, синергийное общественное сознание и научное знание синергийного типа. Обосновывается, что синергийно сложная природа данных феноменов, их нелинейное развитие востребовали синергийное междисциплинарное знание. Определенный вклад в его создание внесли зарубежные ученые, однако в их работах доминирует формально-прагматический инструментарий, в то время как у отечественных исследователей преобладают комплексные, более сбалансированные подходы, учитывающие национально-культурную специфику России. Автор с учетом этих теоретико-методологических достижений очерчивает контуры концепции междисциплинарной парадигмы синергийных сложностей с гуманистическим стержнем. Делаются выводы о том, что на ее основе возможна выработка политической стратегии управления синергийными сложностями, позволяющая решать актуальные задачи суверенного и устойчивого развития страны, осуществляя воспроизводство национального человеческого капитала, сохраняя уникальность природного мира и разрабатывая технологические инновации без рисков для экзистенциальной безопасности человека.

Ключевые слова: «порядок из хаоса» • «стрела времени» • синергийная сложность • нелинейность • междисциплинарность • устойчивое развитие • человеческий капитал • гуманизм

DOI: 10.31857/50132162524010013

Согласно постулату «стрелы времени», обоснованному лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, ускоряющаяся и усложняющаяся динамика стала фактором неравновесности природы и социума: «Неравновесность есть то, что порождает “порядок из хаоса”» [Пригожин, Стенгерс, 2022: 252]. По существу, его олицетворяют явления, представляющие «синергийные сложности», которые, как считает Н.И. Лапин, задают тренды

становления новой России, формируют образ ее будущего. В этих условиях необходимо диалектическое возвращение страны к своим цивилизационным основаниям с собиранием и защитой культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий [Лапин, 2021: 12, 38, 43, 53]. Синергийные сложности имеют свою организацию, специфику и идентичность. «Сложность необычным образом организована... нет простого роста беспорядка» [Urry, 2003: 19, 21]. На структурирование и характер функционирования сложных феноменов существенное влияние оказывает «генотип культуры» страны, выраженный в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира... все крайности – и “левые”, и “правые” – оказываются в кюветах по обе стороны пути страны в будущее, к которому надо стремиться» [Горшков и др., 2022: 10]. В этой связи возникает запрос на создание междисциплинарной парадигмы синергийных сложностей, предметом которой являются реалии гибридного толка, функционирующие в контексте «порядка из хаоса». Ее практическая значимость – выработка национальной стратегии устойчивого развития России в условиях неравновесности природы и социума, турбулентностей, обусловленных переходом к многополярному миру.

Выделим семь синергийных сложностей, на наш взгляд, являющихся весьма значимыми для становления новой России.

1. *Гло-локал-анклавные пространственные реалии.* Западные социологи, например, Р. Робертсон и В. Рудометов интерпретируют возникшие сложные пространственные реалии через призму теорий глобо-локального развития человечества [Robertson, 2014; Roudemetoff, 2016]. При этом анклавные реалии как бы не входят в эту сложность. М. Фуко трактует анклав как «место без места, существующее само по себе и закрытое в самом себе» [Foucault, 1986: 26]. В этом же ключе высказывается З. Бауман, отмечая характерные черты людей, проживающих в новых анклавах: они «неприкасаемы», «немыслимы» и «не имеют своего имиджа» [Bauman, 2009: 45]. На наш взгляд, у этих теорий есть очевидные слабости, обусловленные доминированием в них формально-прагматического инструментария, абсолютизацией либеральных ценностей западной культуры и непринятием в расчет иных культурных реалий. Отметим некоторые из них. Ряд анклавов, например, эпидемиологических, возникших в период пандемии COVID-19, были так или иначе софункциональны с глобо-локальными реалиями. Сказанное относится к особенностям функционирования некоторых научных, военных, экономических, политических структур, которые не легитимированы, но «закрыты», «немыслимы» в СМИ лишь формально, будучи значимой частью общества; и наоборот, ряд мигрантов, проживающих анклавно, получивших российские паспорта, не знают ни русского языка, ни нашей истории, однако формируют свой имидж, противопоставляют свою этнонациональную культуру культуре коренного населения, не желают адаптироваться к российской социальной среде. Современные анклавы – органичная часть синергийной сложности: они могут быть разнотипными – выражением маргинальности и инновационности. Таковым является, например, появившийся в начале 2010-х гг. в Сколково (Одинцовский р-н Московской области) Иннополис с технопарками, бизнес-школами и жилыми комплексами бизнес-класса, объявленный российской силиконовой долиной. Таковыми могут становиться и некоторые поселения приверженцев нетрадиционных верований, иногда создаваемые на территории РФ (до недавнего времени одним из примеров тому являлось достаточно крупное экологическое поселение культового характера, выстроенное в 1990-х гг. на юге Красноярского края вблизи села Черемшанское группой единоверцев, объявивших себя Церковью последнего завета¹). Таковы некоторые иные авангардные сообщества

¹ 22 сентября 2020 г. «Церковь последнего завета» была распущена властями в ходе операции, проведенной спецподразделением ФСБ РФ, а ее основатель Виссарион вместе с другими ее руководителями был задержан сотрудниками ФСБ по обвинению в незаконной деятельности религиозной организации и по подозрению в психологическом насилии над людьми.

и субкультурные организации. И главное – умалется их сложная культурная составляющая: функциональность современных анклавов может основываться как на генотипе культуры страны, так и на собственном культурном коде, который подчас является его антиподом. Характер ее результирующей составляющей определяется с учетом сетевого баланса функциональности: как указывал Р. Мертон, вопрос о том, являются ли последствия того или иного культурного явления функциональными, нефункциональными или дисфункциональными «решается не априорно, а в процессе исследования» [Мертон, 1994: 394]. На наш взгляд, эти упущения в западных теориях преодолевает концепция В.А. Ядова «гло-локал-анклавизации», исходящая из того, что «в реальности имеет место "гло-локал-анклавизация мирового сообщества"». В ней особо акцентируется «несомненная и самая важная особенность России – анклавизация страны» [Ядов, 2002: 354, 358]. Диалектические процессы анклавизации/деанклавизации будут происходить и впредь в общем контексте гло-локал-анклавных пространственных реалий, воспроизводящих «порядок из хаоса». Для эффективного управления ими востребовано междисциплинарное знание о синергийных сложностях пространства России, которое уже формируется. С целью обеспечения условий устойчивого развития страны изучаются проблемы динамики соразвития центров и регионов страны [Столицы и регионы..., 2018; Российская Арктика..., 2016], их функциональной сбалансированности в контексте происходящих стратификационных изменений [Тихонова, 2014]. В этом же ключе перспективны исследования общих и специфических культурных кодов, характерных для различных пространств, с целью выработки оптимального взаимодействия представителей самых разных этнических групп.

2. *Синергийное время.* Содержание времени и представления о нем перманентно усложняются. «В классической античности время рассматривается в связи с жизнью космоса, а потому порой отождествляется с движением небосвода» [Гайденко, 2006]. В традиционном обществе временные периоды выражались через такие понятия, как «вечность», «день Господен», «час», «ныне». В индустриальном модерне время обрело множество сущностей. Р. Мертон и П.А. Сорокин были одними из первых, кто обосновал «социальное время» [Merton, Sorokin, 1937]. При теоретизировании времени акцент все более делался на его культурной составляющей: «Существуют две разные концепции времени – идеациональная и чувственная», отображающие тот факт, что доминирование разных типов времени флуктуирует [Сорокин, 2000: 457]. По мнению А. Абдель-Малека, есть как западное «практическое» время, интерпретируемое категориями формальной логики, так и восточное неаналитическое время, суть которого: «время – господин». Им была высказана возможность не антагонистического, но диалектического взаимодействия между ними [Abdel-Malek, 1981: 43, 97]. Чуть позже И.Р. Пригожин указал на то, что происходит «переоткрытие времени», выражающееся в его качественном усложнении, нелинейном развитии, необратимости. При этом им были выделены социальная, культурная, нравственная и этическая составляющие времени [Пригожин, 1989, 2006]. Из этого следует отказ от «объективности» социальных законов, невозможность повторения ранее считавшегося «универсальным» западного пути развития, необходимость учета специфики в контексте генотипа культуры. М. Кастельс видит усложнение времени в его плюрализации и выделяет порядка десяти типов, среди которых: виртуальное время, основанное на культуре вечного, охватывающей историческую последовательность, и на культуре эфемерного, предполагающей, что «всякая организация, всякое специфическое упорядочение зависят от контекста и цели»; историческое время, интерпретируемое событиями или своеобразными периодами; календарное, измеряемое определенной системой единиц отсчета, принятой в культуре; кристаллизованное, ассоциируемое с эволюцией планеты, с глобальным потеплением; монетизированное – характерное для капитализма: скорость финансовых операций, быстрота получения прибыли, предоставления кредита и т.д. становится сущностной чертой общества; локальное, воспринимаемое людьми в зависимости от того, как структурированы и практически организованы их жизни. По его мнению, ныне доминирует «вневременное время», создающее возможности для людей

«избавления от контекстов своего существования», что ведет к концу разграничения рабочего, личного, семейного времени. Оно позволяет женщинам иметь детей за рамками их биологически запрограммированного фертильного возраста. Вместе с тем это время власти: «социальное господство осуществляется посредством избирательного включения или исключения функций и людей из различных временных и пространственных рамок» [Castells, 2010: xl-xlii].

Становление синергийного времени ведет к эффекту временного дисхроноза: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах [Князева, Курдюмов, 2007]. Воспроизводятся принципиально новые взаимозависимости, которые по своему содержанию могут быть как сильными, предполагающими интенсивное взаимодействие акторов, находящихся в разных пространственно-временных координатах, так и слабыми, имеющими порой большие нелинейно эффекты [Urry, 2003: 52]. Последствия этих сложных явлений амбивалентны, что рельефно видно на примере воспроизводства и устойчивого развития человеческого капитала. С одной стороны, социальная дистанция и время для людей, проживающих в различных регионах, сокращаются благодаря тому, что формируются экономические, культурные, образовательные скрепы территории страны; скорость социальной мобильности начинает играть роль нового социального капитала, способствующего повышению социального статуса людей, выступающего индикатором их сопричастности с культурными и медицинскими достижениями. Если в художественных произведениях А.С. Пушкина и И.С. Тургенева герои в возрасте немногим старше сорока лет описываются как «старики», то ныне молодость, зрелость и старость имеют весьма специфичные смыслы в различных регионах страны. С другой стороны, многим людям не хватает валидной информации, в которой научно осмысливаются явные и латентные последствия от вневременных потоков новизны, содержащих подчас противоречивые ценности и идеи из разных пространственно-временных реалий, что способствует воспроизводству «парадоксального человека» [Тощенко, 2008]; увеличение скорости всех преобразований, воспроизводит проблемы для людей, которые в силу своих физических, психических и интеллектуальных способностей не смогут адаптироваться к быстрым темпам жизнедеятельности. Человечество подошло к порогу возможностей рефлексии быстротечных событий, чтобы принимать по ним адекватные, рациональные решения с гуманными целями, учитывающие возможные отложенные во времени риски. Отсюда следует, что необходимо исследовать то, как можно «очеловечить», «окультурить» скорость изменений, что в силу сложности своеобразного временного «порядка из хаоса» можно сделать лишь на основе междисциплинарного знания.

3. *Гибриды социальных, природных и технических/цифровых реалий.* По своей природе они представляют собой саморегулирующиеся сложные системы, качества которых, утверждает В.С. Степин, не сводится к свойствам их частей [Степин, 2008]. Особым фактором, способствующим становлению гибридных реалий, является цифровая революция, в результате которой в нашу жизнь пришел искусственный интеллект и цифровой «мир» машин. Ныне возникают все новые, все более сложные факторы гибридизации. Как считает У. Бек, на смену цифровой революции пришла «цифровая метаморфоза»: «Цифровая революция отображает главным образом технологически детерминированное социальное изменение... Понятие революция предполагает, что изменение намеренное, линейное и прогрессивное... Цифровая метаморфоза, напротив, имеет дело с ненамеренными, зачастую побочными эффектами, которые производят метаморфизированных субъектов, т.е. цифровых человеческих сущностей», природа которых «ставит под вопрос такие традиционные категории, как статус, социальная идентичность, коллективность и индивидуализация» [Beck, 2016: 145–146]. Как видно, социолог ведет речь о радикальных изменениях социума, природы, технологий в направлении их гибридизации. Под влиянием этих процессов возник эффект *спирали сложности*, под которым мы понимаем процесс наложения одной системы со сложными качествами на другую сложную систему, в результате чего система становится суперсложной. Ее пространственно-временные границы

раздвигаются, функциональность становится более многообразной и нелинейной, при этом нормой становится воспроизводство побочных эффектов.

Последствия сформировавшихся гибридов для становления новой России амбивалентны. Нелинейный импульс развития получают производительные силы принципиально нового типа, создающие практически для всех россиян возможность становиться креативными акторами с активистскими жизненными установками. Вместе с тем эти сложные феномены выступают как главные факторы производства «нормальных» аварий: по Ч. Перроу, – потенциально возможные катастрофы, вызванные не ошибкой человека, а его естественным (нормальным) взаимодействием со сложными системами, предрасположенными к саморефлексии, т.е. к выходу из-под контроля создателей [Perrow, 2011]. В повседневной жизни гибриды подчас радикально изменяют практики воспитания, обучения, лечения, питания и т.д. в направлении их рационализации и прагматизации. Имеет место ослабление центростремительных тенденций в функционировании традиционных институтов (семья, школа, трудовой коллектив). В этой связи возникают проблемы выработки подходов к управлению гибридами в контексте генотипа нашей культуры, востребованности формирования всесторонне развитой и, подчеркнем, *социально ответственной личности* за устойчивое софункционирование общества, природы, инновационных технологий. Соответственно, для формирования структур управления сложными реалиями необходима междисциплинарная парадигма синергичных сложностей, вооружающая россиян комплексным знанием о возможностях плодотворной жизнедеятельности в условиях «порядка из хаоса».

4. *Гибриды человеческой телесности.* Еще в традиционном обществе, как отмечает Э. Канторович, можно было создать «второе тело короля» – героя, харизматического лидера нации, выдающегося победителя [Kantorowicz, 1989]. Но такая возможность была уникальной. Положение дел радикально изменилось, когда формирование у человека второго тела стало обыденностью. Предпосылкой к тому, по Б. Латуру, стал гибрид человеческого и машинных тел в виде *актанта*, представляющего собой симбиоз людей-актеров и нечеловеческих актантов-предметов (компьютеры, гаджеты и т.д.), предрасположенных к рефлексии и фактически к совместному функционированию [Latour, 2005]. Это, например, проявляется в системах «умного» мониторинга, анализа больших массивов данных, в частности, используемого для манипулирования потребительским поведением. Ж. Делёз и Ф. Гваттари для обозначения структуры, организованной и функционирующей виртуально, использовали метафору «тело без органов»: «тело без органов воспроизводит само себя, дает почки и растягивается до границ вселенной». Создать свое «тело без органов» – значит превратиться в иного индивида [Делёз, Гваттари, 2007: 11]. Цифровизация стала фактором повсеместной гибридизации человеческой телесности, что происходит практически с рождением современного ребенка. Как утверждает У. Бек, «молодые поколения уже родились, как “цифровые сущности”» [Beck, 2016: 189]. Нормой стало то, что в социальных сетях формируются «цифровые тела», что создает практически для каждого человека возможность становления детерриторизированного и вневременного Я [Кравченко, 2020]. Амбивалентные последствия гибридизации человеческой телесности несомненны – они несут как блага, так и негативные побочные эффекты. У индивида от рождения органично присутствует сопричастность к разного рода «умным» машинам, искусственному интеллекту, что наделяет его немислимыми ранее возможностями. Вместе с этим зарождается новый социальный тип парадоксальности в виде человека-телефона и человека-компьютера (люди воспринимают гаджеты как часть своей идентичности). Некоторые даже имплантируют чип в тело, что фактически превращает человека в киборга, реально соединяющего в себе биологическую, социальную и цифровую телесность. Эти новации используются на практике в социальных, учебных и медицинских целях. Особо отметим сложные негативные побочные эффекты, исходящие от принципов формальной рациональности, прагматизма и сциентизма, что воспроизводит иррациональную рациональность и дегуманизированные практики. Это рельефно видно

на примере макдональдизированного обучения, получившего распространение в мире и в нашей стране. «Студенты могут чувствовать себя почти как объекты, в которые вливается знание по мере того, как они движутся по образовательной конвейерной линии, обеспечивающей их информацией и выдающей диплом» [Ritzer, 2013: 139]. Аналогичное характерно для современных трендов здравоохранения. Цифровая томография легких позволяет воссоздать объективную картину «цифрового тела» больного. Врач, находящийся даже в другом регионе страны, может выполнять требования профессионального протокола по оздоровлению заболевшего. Но следует иметь в виду, что диагностируется «цифровое тело», а затем лечится, по существу, другая телесность – сам человек. Важно сохранить коммуникацию врача и пациента лицом к лицу, гуманизм искусства врачевания, имеющий глубокие корни в российской культуре. Мы исходим из того, что, оставаясь на позициях реализма, процессы гибридизации человеческой телесности остановить невозможно – придется учитывать и этот тип «порядка из хаоса». Однако благодаря инструментарию междисциплинарной парадигмы с гуманистическим стержнем, развитию данных реалий можно задать тренд, адекватный генотипу нашей культуры, предполагающий сохранение собственно человеческой составляющей во вновь производимых гибридах человеческой телесности.

5. *Интерферентные риски.* Под воздействием гибридизации социо-техно/цифро-природных реалий, а также становления многополярного мира, обострения межцивилизационного противоборства современные риски синергично охватывают ряд сфер жизнедеятельности, накладываясь друг на друга, обретая тем самым интерферентный характер. Они включают в себя как риски, имеющие объективные основания, так и культурно сконструированные инсценированные риски. Некоторые из них экспортируются из «Первого мира» в «нецивилизованные» страны (вывоз в них е-мусора, размещение опасных химических и биотехнологий). Пандемия COVID-19 и энергосырьевой кризис рельефно выявили тренды гибридизации рисков в макро- и микромирах. Среди конкретных факторов, способствующих воспроизводству и распространению интерферентных рисков: уменьшение «чистого» социума и аутентичной природы; синергичное функционирование социальных акторов и нечеловеческих актантов; распространение центробежных тенденций и индивидуализированных форм существования из-за высвобождения людей от укорененности их жизнедеятельности в локальных культурах [Giddens, 1990]; приход ценностей и норм из других культур, формирующих иные смыслы счастья, справедливости, телесности, подчас противоречащие нашему генотипу культуры; всевозможные эффекты «общества травмы» [Тощенко, 2020] и «нормальной аномии», воспроизводящие парадоксальное сосуществование рискофобии и рискофилии [Кравченко, 2017] – они являются катализаторами подавляющего большинства интерферентных рисков, распространяемых в гло-локал-анклавном пространстве и во вневременном времени, что воспроизводит и усиливает эффекты «порядка из хаоса».

6. *Синергичное общественное сознание.* Его содержание выражено в синтезе парадоксальных идей и представлений, как имеющих исторические корни, так и тех, которые ныне воспроизводятся. Зарождение и ценностное содержание идеологий своими корнями уходит в генотип культуры, что обеспечивает целостность общественного сознания, защиту существующего социального порядка, функциональность его институтов. Однако в контексте эффектов «стрелы времени» смыслы идеологий усложняются, а их функциональность на этапе индустриального модерна обретает амбивалентный характер. Как отмечал К. Манхейм, идеология способствует саморационализации людей, вместе с тем образуются ее новые типы, влекущие дерационализацию – подчас они содержат смыслы «от сознательной лжи до полусознательного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана» [Манхейм 1994: 56]. С тех пор общественное сознание еще более усложнилось: в одних пространственно-временных координатах сосуществуют национальные идеологии, верования, парадоксальные представления о добре и зле. Если идеология и верования, адекватные генотипу отечественной культуры, его укрепляют, то чуждые

ему представления хаотизируют общественное сознание. Однако деидеологизированного социума в принципе быть не может: «Идеология, – утверждает Ж.Т. Тощенко, – непреходящий атрибут развития общества... ни одна страна, общество, государство не могут существовать без идеологии. Она имеется в каждом из них, независимо от официального ее признания... Отказ от официальной идеологии привел к тому, что общественному сознанию была нанесена колоссальная травма». Ныне в российском обществе сосуществуют либеральная, социалистическая, консервативно-патриотическая, национальная и «эрзац-идеологические формы» [Тощенко, 2020: 182, 185, 195–199]. По существу, образовался идейный «порядок из хаоса».

В синергичное общественное сознание входят как национальные верования, так и различные их эрзац-формы. Как считал М. Вебер, историческое развитие веры идет по пути рационализации [Weber, 1993]. Этот фактор весьма значим в плане возможности упорядочения духовной и нравственной основы российского общества, противостояния трендам трансгуманизма. Специфичная духовная рациональность национальных верований важна для сохранения традиционных смыслов добра и зла, когда получают распространение их симулякры и антиподы – гуманизм и антигуманизм, типы социально ответственного и парадоксального человека сосуществуют в одном пространстве и времени. Это способствует, считает З. Бауман, производству «моральной слепоты» и «текущего зла», суть которого в соблазне новизны. В социальных сетях перманентно конструируются сменяющие друг друга соблазны, что ведет к нестабильности и непостоянству [Bauman, Donskis, 2016: 18]. Полагая, что для успешного становления новой России востребовано как возрождение национальной идеологии, так и упрочение национальных верований, являющихся факторами духовных скреп социального порядка и культурной консолидации общества.

7. *Синергичное научное знание.* Усложнение научного знания обусловлено совокупностью факторов, среди которых можно назвать: накопление знания, которое, однако, не всегда приближает к истине; чрезмерное количество противоречивых источников производства знания применительно к конкретному объекту или явлению латентно ведет, как показал К. Манхейм, «в конечном итоге к распаду любой системы смысловых значений вообще» [Манхейм, 1994: 25]. Нелинейное развитие знания сопряжено с его травмами, разрывами, обретением как статуса силы и добра, так и зла: «Это вопрос того, – отмечает Дж. Александер, – как травма входит в знание, как она кодируется» [Alexander, 2003: 32]; сложное знание может представлять не более полную и целостную картину явления, а выступать в виде кентавризмов [Тощенко, 2011]; увеличивающаяся скорость производства и распространения знания, считает П. Вирильо, ведет к стиранию референтов, производя эффект «эстетики исчезновения» [Virilio, 1991]; в результате научной революции осуществляется переход к новой парадигме – лишь некоторое время сосуществует ряд парадигм с тенденцией того, что одна доминирует как «истинная» [Кун, 1977]; возникают парадигмы гибридного толка, примером чего являются «физически ориентированная социология» Дж. Рифкина [Rifkin, 2000] или «биосоциология» С. Фуллера [Fuller, 2008]. По У. Беку, зародилось и получило распространение «научное не-знание»: «Мировое общество риска является обществом не-знания в самом прямом смысле... оно – продукт большей и лучшей науки. Не-знание правит в мировом обществе риска. Жить в среде созданного не-знания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [Beck, 2010: 115]. Как видно, синергичное научное знание представляет весьма своеобразный «порядок из хаоса». В этих условиях, на наш взгляд, востребовано междисциплинарное знание с гуманистическим стержнем [Кравченко, 2020]. Перспективным является развитие отечественной социологии с опорой на выработанное мировым научным сообществом синергичное знание, однако в противовес прагматическому сциентизму, латентно усиливающему его хаотизацию и дегуманизацию, необходимо придать ему своеобразную гуманистическую упорядоченность, обусловленную учетом фактора генотипа российской культуры.

Выводы. Под влиянием эффектов «стрелы времени» возникли синергично сложные реалии, имманентно воспроизводящие «порядок из хаоса», которые определяют настоящее и задают тренды становления новой России, образ жизни ее граждан. По своему содержанию и характеру они могут иметь разные культурные основания: соответствовать генотипу отечественной или, напротив, иной культуры. Практика заимствования в годы перестройки и либеральных реформ ряда «универсальных» ценностей из других культур, использование их при создании новых институциональных структур сложного типа в важных сферах жизнедеятельности привела к «обществу травмы». Выход из него и построение в России общества социальной справедливости, обеспечение ее лидирующих позиций в мире видится в адаптации объективно сформировавшихся синергичных сложностей к культурному коду страны. Значимым шагом на этом пути является разработка российским научным сообществом междисциплинарной парадигмы синергичных сложностей с гуманистическим стержнем. На ее интеллектуальном фундаменте возможна выработка инновационной стратегии управления синергичными сложностями, позволяющая решать конкретные задачи развития национального человеческого капитала в столицах и регионах страны, формирования креативных личностей, проявляющих социальную ответственность в отношении общества. Предлагаемая парадигма имеет синергичную теоретико-практическую значимость при разработке цифровых инноваций, искусственного интеллекта, биотехнологий с учетом отложенных во времени рисков для человека и природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайденко П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* М.: Прогресс-Традиция, 2006.
- Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И. *На переломе веков: социодинамика российской культуры.* М.: ФНИСЦ РАН, 2022.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. *Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции.* М.: КомКнига, 2007.
- Кравченко С.А. Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале: изменения в характере коммуникаций // *Коммунология*, 2020. Vol. 8. № 3. С. 15–28.
- Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // *Социологические исследования*, 2017. № 2. С. 3–13.
- Кун Т. *Структура научных революций.* М.: Прогресс, 1977.
- Лапин Н.И. *Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход.* М.: Весь Мир, 2021.
- Манхейм К. *Идеология и утопия. Диагноз нашего времени.* М.: Юрист, 1994.
- Мертон Р. *Явные и латентные функции* // *Американская социологическая мысль. Тексты.* М.: МГУ, 1994.
- Пригожин И. *От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках.* М.: Наука, 2006.
- Пригожин И. *Переоткрытие времени* // *Вопросы философии.* М., 1989. № 8. С. 3–19.
- Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой.* М.: УРСС, 2022.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение* / под ред. В.А. Тишкова. М.–СПб: Нестор-История, 2016.
- Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истории, этики, права и общественных отношений.* СПб: РХГМ, 2000.
- Степин В.С. *О философских основаниях синергетики* // *Синергетика: Будущее мира и России.* М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя.* М.: Весь мир, 2018.
- Тихонова Н.Е. *Социальная структура России: теории и реальность.* М.: Новый хронограф, ИС РАН, 2014.
- Тощенко Ж.Т. *Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа.* М.: Новый хронограф, 2011.
- Тощенко Ж.Т. *Общество травмы: Между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа).* М.: Весь мир. 2020.
- Тощенко Ж.Т. *Парадоксальный человек: монография* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
- Ядов В.А. *Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества* // *Россия реформирующаяся.* М.: Academia, 2002.
- Abdel-Malek A. *Social Dialectics, Vol. 1: Civilizations and Social Theory.* London: Macmillan, 1981.

- Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. Oxford University Press, 2003.
- Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Bauman Z., Donskis L. Liquid Evil. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition, Wiley-Blackwell, Oxford, 2010.
- Fuller S. The New Sociological Imagination. L.: SAGE, 2008.
- Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Kantorowicz E. Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age. Paris, 1989.
- Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Merton R.K., Sorokin P. Social Time: a Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology, 1937. Vol. 42. P. 615–629.
- Perrow Ch. The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Rifkin J. The Age of Access. Harmondsworth: Penguin, 2000.
- Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. University of Maryland, Sage, 2013.
- Robertson R. European Glocalization in Global Context, Palgrave Macmillan, London, 2014.
- Roudemetoff V. Glocalization. A Critical Introduction, Routledge, New York 2016.
- Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Virilio P. The Aesthetics of Disappearance. N.Y.: Simiotext(e), 1991.
- Weber M. Sociology of Religion, Beacon Press, Boston, 1993.

Статья поступила: 08.06.23. Принята к публикации: 29.01.24.

THE CONTOURS OF AN INTERDISCIPLINARY CONCEPT OF THE SYNERGISTIC COMPLEXITIES

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO University, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Prof. of the Sociology Department, MGIMO University, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. There are analyzed the 'arrow of time' effects that generate 'order out of chaos' (I. Prigozhin) and the accompanying phenomena that have now arisen in the form of 'synergistic complexities' (N. Lapin) – they set trends in the becoming of new Russia and form the image of its future. According to the author, their content and character are determined by the genotype of culture, which can either correspond to the civilizational foundations of the country or be borrowed from other cultures, on that factor the country's sovereign, stable or, on the contrary, traumatic, crisis development depends. Specifically considered are such types of synergistic complexities as glo-local-enclave spaces, synergistic time, hybrids of social, natural and technical/digital realities, hybrids of human physicality, interference risks, synergistic public consciousness and scientific knowledge of a synergistic type. It is substantiated that their complex nature, non-linear development, respectively, demanded for working out the synergistic interdisciplinary knowledge. Paying tribute to foreign scientists in its development, the author notes that it is dominated by formal and pragmatic methodology, while domestic researchers are dominated by comprehensive, more balanced approaches, including the consideration of national and cultural specifics. The author, taking into account their theoretical and methodological achievements, proposes the contours of the concept of the interdisciplinary paradigm of synergistic complexities with a humanistic core. Conclusions are drawn that on its basis it is possible to develop the political strategy for governing the synergistic complexities, which allows solving the urgent tasks of the country's sovereign and sustainable development, reproducing the national human capital, preserving the uniqueness of our natural world and developing technological innovations without risks to human existential security.

Keywords: order out of chaos, arrow of time, synergistic complexity, non-linearity, interdisciplinarity, sustainable development, human capital, humanism.

REFERENCES

- Abdel-Malek A. (1981) *Social Dialectics, Vol. 1: Civilizations and Social Theory*. London: Macmillan.
- Alexander J.C. (2003) *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Oxford University Press.
- Bauman Z. (2009) *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press.
- Bauman Z., Donskis L. (2016) *Liquid Evil*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2010) *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later*. (2018) Moscow: All world.
- Castells M. (2010) *The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society*. Second edition, Wiley-Blackwell, Oxford.
- Fuller S. (2008) *The New Sociological Imagination*. London: SAGE.
- Gaidenko P.P. (2006) *Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science*. Moscow: Progress-Tradition.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. (2022) *At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture*. Moscow: FCTAS RAN (In Russ.)
- Kantorowicz E. (1989) *Les Deux Corps du Roi. Essai sur la théologie politique du Moyen Age*. Paris.
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. (2007) *Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of coevolution*. Moscow: KomKniga (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2017) The coexistence of riskophobia and riskophilia is the manifestation of "normal anomie". *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–13. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2020) The growing role of the "digital body" in human capital: changes in the nature of communications. *Communicology*. Vol. 8. No. 15–28. (In Russ.)
- Kuhn T. (1977) *Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Progress (In Russ.)
- Lapin N.I. (2021) *The complexity of the formation of the new Russia. Anthroposociocultural approach*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Manheim K. (1994) *Ideology and Utopia. Diagnosis of our time*. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Merton R. (1994) Explicit and latent functions. In: *American sociological thought*. Texts. Moscow: MSU. (In Russ.)
- Merton R.K., Sorokin P. (1937) Social Time: a Methodological and Functional Analysis. *American Journal of Sociology*. Vol. 42: 615–629.
- Perrow Ch. (2011) *The Next Catastrophe. Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Prigogine I. (1989) The rediscovery of time. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 8: 3–19. (In Russ.)
- Prigogine I., Stengers I. (2022) *Order out of chaos: A new dialogue between man and nature*. Moscow: URSS. (In Russ.)
- Prigogine I. (2006) *From existing to emerging. Time and complexity in the physical sciences*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Rifkin J. (2000) *The Age of Access*. Harmondsworth: Penguin.
- Ritzer G. (2013) *The Mcdonaldization of Society*. University of Maryland, Sage.
- Robertson R. (2014) *European Glocalization in Global Context*. London: Palgrave Macmillan
- Roudemetof V. (2016) *Glocalization. A Critical Introduction*. Routledge, New York.
- Sorokin P.A. (2000) *Social and Cultural Dynamics: An exploration of change in the larger systems of art, history, ethics, law, and social relations*. St. Petersburg: RHGM. (In Russ.)
- Stepin V.S. (2008) On the Philosophical Foundations of Synergetics. In: *Synergetics: The Future of the World and Russia*. Moscow: Publishing house LKI. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *Social Structure of Russia: Theories and Reality*. Moscow: New Chronograph, IS RAS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) *Paradoxical man: monograph*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2011) *Centaur problem: experience of philosophical and sociological analysis*. Moscow: New Chronograph. (In Russ.)
- Tishkov V.A., ed. (2016) *Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development*. Moscow – St. Petersburg: Nestor-History. (In Russ.)
- Urry J. (2003) *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press.
- Virilio P. (1991) *The Aesthetics of Disappearance*. N.Y.: Simiotext(e).
- Weber M. (1993) *Sociology of Religion*. Beacon Press, Boston.
- Yadov V.A. (2002) Some sociological grounds for predicting the future of Russian society. In: *Reforming Russia*. Moscow: Academia. (In Russ.)